НЕ ИДЕАЛЬНАЯ, НО ЖИВАЯ

Ошибки, разводы и любовь, которая вырастила детей

Татьяна Готвальд

18+

Татьяна Готвальд

Не идеальная, но живая: Ошибки, разводы и любовь, которая вырастила детей

«Автор»
2026

Готвальд Т.

Не идеальная, но живая: Ошибки, разводы и любовь, которая вырастила детей / Т. Готвальд — «Автор», 2026

Что делать, если в 23 года твой мир рушится в детской реанимации, врачи готовят к худшему, муж уезжает на рыбалку, а собственное отражение в зеркале пугает пустотой?Это предельно честная, лишённая глянца история о том, как пройти через пять остановок сердца сына, тугоухость дочери, два развода и предательство близких. О том, как выжить на съёмных метрах с тремя детьми на руках, построить себя заново и доказать: пока мы дышим — поправимо всё.Книга-манифест для каждой женщины, которая устала быть удобной, боится сделать шаг в неизвестность или отчаялась перед лицом испытаний. Здесь нет нравоучений — только живой опыт, слёзы, юмор и подтверждение того, что жизнь всегда даёт второй шанс

© Готвальд Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. РАЗГОВОР ПО-ДУШАМ 5
ГЛАВА 2. ДВОЙНЯ ПОД ВОПРОСОМ. 7
ГЛАВА 3. МУЖ. ПЕРВЫЙ 8
Глава 4. МЫСЛИ И ИХ СИЛА 9
Глава 5. ДВЕ ДЕВОЧКИ 10
ГЛАВА 6. С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД или КАК ВСЕ ПОШЛО НЕ ПО-ПЛАНУ 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Не идеальная, но живая: Ошибки, разводы и любовь, которая вырастила детей

ГЛАВА 1. РАЗГОВОР ПО-ДУШАМ

Если вы открыли эту книгу, значит вам тоже знакомо чувство, когда жизнь упорно отказывается укладываться в правильные рамки.

Иногда мне говорят: "Таня, тебе просто повезло, у тебя всегда все так легко и радостно". Я улыбаюсь, но про себя думаю: знали бы вы, сколько раз мне приходилось собирать себя по кусочкам.

Мне сейчас 48 лет. Я не идеальная жена, не идеальная мама, и точно не идеальный человек. Но я живая. Я падала, поднималась, любила, ошибалась и наощупь училась жить по-настоящему. Если в вашей жизни сейчас штормит, кажется, что ситуация безвыходная или вам просто нужно плечо и честный взгляд человека, который сам выбирался из самых глубоких ям- эта история для вас. Мужчина вы или женщина- боль, любовь и надежда всегда говорят на одном языке.

Много лет я зарабатывала ногтями: пилила, полировала,создавала красоту на чужих руках и ногах. Был период, когда я работала прямо из дома: нужно было присматривать за детьми, в перерывах между клиентками варить супы и проверять уроки. Все девочки, которые ко мне приходили, знали моих детей и часто спрашивали: "Таня, как тебе удается растить таких классных ребят?"

Они видели меня веселой, сильной, улыбающейся, уверенной. И мало кто из них знал, через какие круги ада , разводы, предательства, тупики и через какие отчаянные молитвы в больничных коридорах мне пришлось пройти, чтобы просто увидеть, как мои дети просто растут и смеются.

Но сегодня я расскажу всё без глянца. Если вы прямо сейчас чувствуете, что земля уходит из-под ног — подышите. Вы не одни. Поехали.

Мы ворвались в Москву в 2000-м — дерзкие, наивные, с ветром в голове и огромными планами.

С Сашей мы были вместе со студенческой скамьи политеха в Костроме: он выпустился на пару лет раньше, преданно дождался, пока я получу диплом, и едва отгремела наша шумная свадьба, мы упаковали чемоданы и рванули на столичный вокзал. Казалось, весь мир лежит у наших ног.

Мне двадцать три. Днём я строгий, исполнительный помощник руководителя в солидном офисе, а по вечерам бегу на лекции в МИРЭА, на ходу дожевывая пирожок в метро. Уставала? Жутко. Но молодость не замечает усталости.

А в мае 2001-го в организме что-то тихо и бесповоротно щёлкнуло.

Помню этот вечер до мелочей. Захожу в съёмную квартиру после долгого дня, открываю холодильник — и взгляд намертво прилипает к крупной, золотистой головке обычного репчатого лука. Руки сами берут нож. Мелкие кубики летят в тарелку, крупная соль, щедрая струя пахучего подсолнечного масла... Я стояла у стола и со слезами на глазах, с диким, животным аппетитом сметала этот термоядерный салат, словно передо мной стояло редчайшее ресторанное блюдо!

Назавтра — то же самое. На третий день я уже не могла дождаться конца дня, чтобы снова нарезать лук!

На следующее утро прихожу в офис. Вижу: шеф сидит за столом бледный, шмыгает носом, глаза слезятся — явно простудился. И тут меня накрывает волной праведного энтузи-

азма! Я подхожу к его столу, глаза горят, и начинаю с жаром спасителя объяснять: — Шеф, вам срочно нужно луку! Берёте луковицу, крошите кубиком, маслицем заливаете — и едите! Это же блаженство! Вы очень быстро поправитесь!

Начальник медленно поднял на меня воспалённые глаза. Повисла густая, звенящая пауза. Во взгляде взрослого, солидного мужчины застыла такая непередаваемая гамма чувств — смесь дикого ужаса, жалости и сомнения в моей адекватности, — что слова застряли у меня в горле.

Я замерла, смущённо отступила на шаг и вдруг сама испугалась: «Таня, стоп. Какое блаженство? Ты третий день в одну каску поглощаешь сырой лук тарелками... Что вообще происходит?»

А организм уже знал то, о чём я ещё даже боялась догадаться

ГЛАВА 2. ДВОЙНЯ ПОД ВОПРОСОМ.

В один из майских вечеров, сразу после

работы, я нырнула в подземный переход метро. В то время там запросто можно было встретить крошечные платные медцентры. Заскочила на пару минут — просто чтобы по-быстрому сделать УЗИ и подтвердить то, о чём организм уже вовсю кричал запахом лука. Мы с мужем не предохранялись, у нас всё шло чётко по плану советско-российского воспитания: поженились — значит, пора рожать детей. Всё понятно, всё правильно.

Я легла на кушетку. Врач долго водил датчиком по животу, хмурился, вглядывался в мерцающий монитор, а потом повернулся ко мне и озадаченно спросил: — У вас в роду двойни были? — Нет, — растерялась я. — Ну... тогда пока напишу: «двойня под вопросом». Придёте дней через десять, посмотрим снова. Вполне возможно, что один эмбрион просто сам по себе рассосётся. Такое сплошь и рядом бывает.

Вечером дома рассказываю всё мужу. Саша выслушал, пожал плечами и совершенно искренне выдал: — Прикольно.

«Прикольно»! Мы тогда вообще не соображали, какие «приколы» судьба приготовила нам дальше. Мы сами были ещё совсем зелёными, юными ребятами. Никаких страхов, никаких ожиданий — просто прикольно, ну типа пора.

Потянулись дни ожидания. Самое удивительное — я не переживала ни секунды. Двое их там или второй тихонько «рассасывается», как предрекал доктор, — голова об этом вообще не болела. Я просто жила своей обычной жизнью и была железобетонно уверена: всё идёт как надо, всё хорошо. Не накручивала себя жуткими картинками, не рылась в медицинских справочниках (да и интернет в России тогда только-только делал первые робкие шаги).

Я бы с удовольствием наслаждалась этим безмятежным состоянием, если бы не токсикоз. Он накрыл меня так беспощадно и свирепо, что земля уходила из-под ног.

С офисной работой пришлось распрощаться на очень раннем сроке. Каждая поездка из дома до работы превращалась в настоящую пытку на выживание: в переполненном общественном транспорте места мне, понятное дело, никто не уступал — живота ещё не видно, девчонка тонкая, звонкая. А меня выворачивало наизнанку так, что бежать к спасительному белому другу хотелось буквально каждые пятнадцать минут.

Спустя десять дней я снова переступила порог кабинета УЗИ. Врач приложил датчик, взглянул на экран — и на этот раз никаких сомнений на его лице уже не осталось: — Никто не рассосался. Их всё-таки двое!

ГЛАВА 3. МУЖ. ПЕРВЫЙ

Как вообще получилась двойня?

С Сашей, моим первым мужем, мы познакомились ещё в 1995-м. Я тогда училась на первом курсе политехнического колледжа в Костроме. Саша с семьёй незадолго до этого переехал на постоянное место жительства в Россию из Таджикистана и поступил сразу на третий курс политеха. Там мы и столкнулись. Сначала просто подружились, потом начали встречаться...

Тогда большинство людей жило по единой, кем-то заранее расписанной колее: садик — школа — диплом — работа — семья — дети. Свернуть с этого маршрута казалось чем-то немыслимым.

Поэтому после пяти лет отношений — за которые мы успели окончить институты, перебраться в Москву и устроиться на работу — финал был предсказуем. Как-то вечером мы сидели во дворе на обычных детских качелях. Я повернулась к нему и запросто спросила: — Давай, что ли, поженимся? Саша лениво качнулся и бросил: — Ок, давай.

Вот с таким головокружительным «романтизмом» я и вышла замуж!

Свадьбу сыграли, а дальше — строго по общественному расписанию — пришла пора заводить детей. Дело, казалось бы, нехитрое. Вот только мой организм с юности бунтовал: лет с шестнадцати мне поставили жуткую дисфункцию яичников. Месячные могли пропадать на два, а то и на три месяца. Один доктор тогда даже безапелляционно отрезал: «Детей у вас не будет никогда». (Девочки, милые, если вам сейчас говорят подобное — умоляю, не хороните себя раньше времени и не верьте слепо чужим приговорам!)

Естественно, когда мы с Сашей решили стать родителями, я сразу побежала к гинекологу. Честно объяснила ситуацию, сказала, что очень хочу забеременеть. Врач расписала курс гормонов и выдала ту самую «волшебную» таблетку, которую нужно было выпить строго в определённый день цикла.

Собственно, эта таблетка и выстрелила мощнейшей стимуляцией! Ни у меня, ни у мужа в роду отродясь никаких близнецов не бывало.

Так пошла девятая неделя моего двойного «интересного положения»..

Глава 4. МЫСЛИ И ИХ СИЛА

Зачастую люди даже не замечают, о чём они думают на самом деле.

В голове у большинства круглосуточно крутится дикая, неуправляемая «мыслемешалка». Лишь немногие действительно осознают, насколько опасно отпускать свои мысли на самотёк. Сегодня таких людей модно называть «осознанными».

Но двадцать с лишним лет назад я была от этого далека как до луны. Я жила исключительно на автомате — на голых эмоциях, детских обидах и привычных шаблонах. Постоянно жалела себя, бесконечно судила других, раздражалась, критиковала. Если что-то шло наперекосяк, виноваты были все вокруг, но только не я. Настоящий биоробот с заводским набором прошивок, где разум даже не пытался нажать на тормоз.

И однажды эта программа чуть не стоила мне самого дорогого.

Шла девятая неделя беременности. Гормоны бушевали, токсикоз выворачивал наизнанку, и в этот момент мужу срочно понадобилось что-то шумно отметить с друзьями. Ребята просто забухали до утра.

Я сидела одна в тёмной съёмной квартире. Часы тикали, телефонные гудки уходили в звенящую пустоту: трубку он не брал. И в этой тишине моя больная фантазия начала режиссировать самые чудовищные кошмары, на какие только способна обиженная женщина. В красках, с мельчайшими подробностями перед глазами вставали картины измены.

«Ещё бы! — язвительно подзуживал внутренний голос. — Я тут сижу вся такая беременная, беспомощная, а он вон что вытворяет!» Гормоны и так лишают тормозов, а тут меня накрыло ледяным чувством тотального одиночества и ненужности. Оглядываясь назад, я понимаю: мы оба вели себя по-детски глупо и безответственно. Но в ту ночь меня трясло от ярости.

И я отчётливо, до мурашек помню ту секунду. В слепой, удушающей злости я прошипела сама себе в темноту: — Не нужны мне эти дети!

Вселенная слышит всё. Буквально.

Через четыре дня у меня началось кровотечение.

Земля ушла из-под ног. С мужем мы к тому моменту, конечно, уже помирились, но он сутками пропадал на работе. В чужой, огромной Москве я никого толком не знала — ни хороших врачей, ни поддержки. В панике я набрала брату: «Забери меня в Кострому». Там были мама с папой, там были знакомые доктора.

Четыре часа в машине превратились в ад. Я сидела на пассажирском сиденье, молилась как умела и ещё даже не подозревала, что застряну в Костроме на очень, очень долгое время. И уже без него...

Когда мы въехали в город, родители тут же вызвали скорую. Меня наконец укутали заботой, вокруг засуетились врачи, и животный страх чуть отпустил.

Диагноз в приёмном покое прозвучал сухо и безжалостно: угроза прерывания беременности.

Глава 5. ДВЕ ДЕВОЧКИ

В больничной палате на сохранении я провела почти две недели.

Капельницы, белые стены, скрипучие панцирные сетки коек и тягучий больничный запах... Когда меня наконец выписали, возвращаться в Москву я не решилась. Осталась у родителей в Костроме: так было спокойнее, безопаснее, под крылом.

Но внутри уже поселился холодный, липкий страх. Понимание, что всё может оборваться в любую секунду, намертво застряло в голове.

Принято считать, что материнская любовь накрывает женщину с первых же недель: все эти милые разговоры с животом, сказки на ночь, бесконечное умиление и поглаживания. У меня ничего подобного не было. Ни единой искорки.

Я не ощущала ценности этой беременности, не осознавала толком, что совсем скоро стану мамой. Всё казалось каким-то странным, чужим, не моим. Я смотрела на других будущих мам и думала: «Наверное, со мной что-то не так». Но долго не рефлексировала — слишком была молода, глупа, незрела. И всё же животный, первобытный инстинкт орал во всё горло: не потеряй!

Я не ворковала с малышами, не представляла в красках, как мы будем гулять в парке или играть в песочнице. Я не чувствовала нежности к этим невидимым человечкам, которые уже делили во мне пространство. Я просто... физически была беременна.

Позже я годами грызла и корила себя за эту эмоциональную глухоту. И только со временем поняла: именно через эту пустоту и страх прорастал мой собственный путь к настоящей, зрелой, всепоглощающей ЛЮБВИ.

Врачи в Костроме двойню откровенно побаивались, поэтому на УЗИ меня гоняли с маниакальным постоянством — раз десять за весь срок, не меньше! И каждый раз специалисты, щурясь в монитор, выносили один и тот же железный вердикт: — Точно две девочки. Без вариантов.

Имя для одной дочки я нашла мгновенно: Валерия, Леруся, Лерочка. Это имя звенело во мне с самого детства, и муж был только за.

А вот со вторым именем происходило что-то мистическое. Оно не шло. Ни мне, ни Саше. Мы перебирали десятки вариантов, перелистывали справочники — пустота. Будто в пространстве стояла глухая стена, не дававшая назвать вторую «девочку»...

ГЛАВА 6. С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД или КАК ВСЕ ПОШЛО НЕ ПО-ПЛАНУ

С каждой неделей я стремительно набирала вес. Логика включилась железная: раз уж я беременна, значит, теперь мне можно всё, что не приколочено! И я пошла в полный гастрономический отрыв. Стоит ли удивляться, что к тридцатой неделе весы подо мной подозрительно заскрипели и выдали круглую цифру — 90 килограмм!

На двадцать седьмой неделе организм снова дал сбой — открылось кровотечение. Дальше всё по накатанной схеме: вой сирены, белые коридоры, капельницы, койка, а потом выписка домой «дохаживать».

Вот так — без осознанной нежности к будущим малышам, но с постоянным животным страхом родить раньше срока или вовсе потерять беременность — я дотянула до 32-й недели.

Наступило утро 21 декабря 2001 года. День, который бесповоротно перевернул всю мою жизнь.

Всё началось около пяти часов утра. Я проснулась от тянущей, ноющей боли в пояснице. Сонная, набрала врачу. Ответ был резким и коротким: «Срочно в больницу». В очередной раз покидав в сумку свои нехитрые пожитки, я вышла к машине скорой. Папа поехал со мной — сопровождать меня в Костромскую областную больницу.

Я и представить не могла, что выхожу из родительского дома на целых полгода. Что эти шесть месяцев пройдут в глухих стенах больничных палат, а впереди меня ждёт самое страшное, жесткое и поучительное испытание в жизни...

В приёмном покое в семь утра меня лениво осмотрел дежурный врач. — Ничего критичного, — привычно зевнул он. — Опять ложимся на сохранение.

Подняли в отделение. Лежу на скрипучей кушетке, добросовестно «сохраняюсь». Вокруг — взрослые женщины под сорок с огромными животами и сроками в 41–43 недели. Я разглядывала их и с девчоночьим сарказмом крутила в голове: «Смешно... Кто-то в сорок три недели никак разродиться не может, а я тут с ними в свои тридцать две лежу, бока отлёживаю»...

Мои высокомерные размышления грубо оборвало странное ощущение. Подо мной растекалось тепло. Опускаю руку и с ужасом понимаю: я лежу в огромной луже.

Смущённо поворачиваюсь к соседкам по палате: — Девочки... А что это за лужа?

Женщины переглянулись, округлили глаза и почти хором выдохнули: — Да у тебя воды отошли! Врачей, срочно зовите врачей!

Какие воды?! Куда?! У меня же всего 32 недели!

Я до последнего не осознавала, в какую пропасть лечу. Первой в палату неторопливо зашла санитарка со шваброй и тряпкой. Вытирая подо мной клеенку, она злобно бубнила под нос: — Разлеглись тут всякие... Воду льют, а мне лишняя работа...

А через секунду в палату буквально влетели врачи. Экстренное УЗИ показало полный хаос: дети лежали совершенно неправильно, они были катастрофически не готовы к естественным родам.

По коридору раскатился резкий командный голос: — СРОЧНО готовим вторую операционную! Двойня! Преждевременные! Кесарево! Бегом!

В глазах акушеров и медсестёр стоял неприкрытый, неподдельный ужас. Для меня это были первые роды, я понятия не имела, как всё должно происходить по правилам, но их паника мгновенно передалась мне ледяной волной.

Дальше всё понеслось словно в дурном, смазанном сне. Холодная каталка, яркий слепящий свет операционной лампы, звон металлических инструментов и укол в вену, после которого потолок окончательно растворился в темноте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.